

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.042-049

К. А. Пономарева,*
А. С. Матненко**

Результативность национальных проектов: от плановых показателей к ценностному эффекту

Аннотация. В статье предлагается концептуальная модель трехуровневой результативности реализации документов стратегического планирования и обосновывается идея включения инструментов оценки ценностного эффекта в систему контроля исполнения национальных проектов и государственных программ, в том числе для полноценной реализации принципа эффективности и результативности использования бюджетных средств. Проведен анализ трех уровней результативности национальных проектов как ключевого инструмента достижения национальных целей развития Российской Федерации. Раскрывается проблема неопределенности понятия «результат» в бюджетном праве и отмечается, что действующая правовая конструкция ориентирована на экономность расходования бюджетных средств и операционную результативность, но не предоставляет инструментов для учета качественных изменений в управлении. Аргументируется необходимость выделения, наряду с краткосрочными и долгосрочными результатами реализации документов стратегического планирования, третьего — ценностного уровня, связанного с изменением общественных ценностей, доверия и социального капитала. Ценностный эффект формируется дольше и подлежит скорее субъективной оценке, вместе с тем он вытекает из конституционно-правовых норм и национальных целей развития Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовое право; бюджетное право; стратегическое планирование; национальные цели развития; национальные проекты; государственные программы; государственное управление; производительность труда; бюджетные расходы; результативность

Для цитирования: Пономарева К. А., Матненко А. С. Результативность национальных проектов: от плановых показателей к ценностному эффекту // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 42–49. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.042-049

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

© Пономарева К. А., Матненко А. С., 2026

* Пономарева Карина Александровна, доктор юридических наук, доцент, директор, ведущий научный сотрудник Центра прогнозирования и проектного управления региональными системами Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119602
ponomareva-ka@ranepa.ru

** Матненко Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
просп. Мира, д. 55а, г. Омск, Российская Федерация, 644077
matnenkoas@omsu.ru

The Effectiveness of National Projects: From Planned Indicators to Value-Based Impact

Karina A. Ponomareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director, Leading Researcher, Centre for Forecasting and Project Management of Regional Systems, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
ponomareva-ka@ranepa.ru

Alexander S. Matnenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation
matnenkoas@omsu.ru

Abstract. The study proposes a conceptual model of the three-tier effectiveness of implementing strategic planning documents and substantiates the inclusion of value-impact assessment instruments in the system applied for monitoring the implementation of national projects and state programs. Such instruments are also necessary for the full realization of the principle of efficiency and effectiveness in the use of budgetary funds. The paper analyses three levels of effectiveness in national projects, regarded as a key instrument for achieving the national development goals of the Russian Federation. It addresses the uncertainty surrounding the concept of «result» in budget law and observes that the existing legal framework is oriented towards the economy of budgetary expenditure and operational effectiveness, while offering no means of accounting for qualitative changes in public administration. The paper argues that, alongside the short-term and long-term results of implementing strategic planning documents, we should recognize a third, value-based level associated with changes in public values, trust, and social capital. Value-based impact develops over a longer period and is more appropriately subject to subjective assessment. Nevertheless, it follows from constitutional and legal norms and from the national development goals of the Russian Federation.

Keywords: financial law; budgetary law; strategic planning; national development goals; national projects; government programs; public administration; labor productivity; budget expenditures; effectiveness

Cite as: Ponomareva KA, Matnenko AS. The Effectiveness of National Projects: From Planned Indicators to Value-Based Impact. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):42-49. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.042-049

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the state assignment of the RANEPa.

Введение

Национальные проекты, на протяжении более 20 лет служащие механизмом достижения приоритетных целей развития Российской Федерации, вывели на принципиально новый уровень значение глубокого и комплексного научного осмысления такого ключевого принципа организации и функционирования бюджетной системы, как принцип эффективности использования бюджетных средств. От их механического «освоения» в рамках узковедомственных планов до построе-

ния сложного бюджетно-правового механизма решения общенациональных задач, обеспечивающих самостоятельность, конкурентоспособность и глобальное лидерство России, — такой переход стал возможен именно благодаря уникальному формату национальных проектов, и, конечно, он требует многоуровневого восприятия результата как материального и нематериального воплощения бюджетного финансирования, выявления объективных закономерностей и взаимосвязей управления публичными финансами с изменениями, происходящими в обществе.

Понятие результата в бюджетном праве

В статье 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации принцип эффективности использования бюджетных средств, как известно, сформулирован через два нормативных критерия: *экономность* — достижение заданных результатов с использованием наименьшего объема средств — и *результативность* — достижение наилучшего результата при заданном объеме финансирования. Оба критерия апеллируют к категории «результат», однако ни данная норма, ни смежные положения бюджетного законодательства не раскрывают, что именно следует понимать под результатом применительно к национальным проектам и государственным программам.

Эта неопределенность является проявлением структурного противоречия между закрепленным в законе принципом результативности и реалиями государственного управления. По сути, эффективным использованием бюджетных средств можно назвать составление и исполнение бюджетов с увязкой с выделенными ресурсами и поставленными задачами. И если вопрос с выделенными бюджетными ресурсами является достаточно понятным, то в случае с поставленными задачами возникают трудности.

Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 23 постановления от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» предложил «операциональную» трактовку принципа эффективности использования бюджетных средств: конкретная расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или

что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата¹.

Интересно, что Пленум ВАС РФ операционализирует принцип эффективности применительно к *конкретной* расходной операции. В этой связи стоит отметить, что «система управления бюджетными средствами не предполагает административного доведения распорядителями бюджетных средств бюджетополучателям конкретных результатов их деятельности. В связи с этим оценить, достигнут ли результат деятельности конкретного учреждения, возможно только при комплексном рассмотрении, учитывая уставные цели и задачи, которые, в свою очередь, количественно не определены»².

Если же говорить о принципе результативности в контексте бюджетно-программного финансирования, то здесь результат должен оцениваться применительно к совокупности мероприятий, формирующих конечный эффект для общества и государства. Этот разрыв обнажает концептуальную проблему: бюджетное законодательство говорит о «результате» как монолитной категории, тогда как управленческая теория и практика государственных расходов исходят из того, что результаты программной деятельности гетерогенны и иерархически упорядочены.

Концепция управления по результатам в документах международных организаций

Системное решение данной проблемы предлагает концепция управления по результатам (*results-based management*), получившая широкое распространение в практике международных организаций и национальных системах государственного управления³. В ее основе лежит разграничение уровней результата в рамках

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации», п. 23 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8.

² Пономарева К. А. Неэффективное использование бюджетных средств по законодательству России и Германии // Юрист. 2013. № 13. С. 44.

³ См.: Талапина Э. В. Государственное управление в условиях цифровизации: шанс на повышение качества // Журнал российского права. 2025. № 9. С. 103–115; Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государ-

цепочки результатов (results chain), в которой вложенные ресурсы (inputs) порождают посредством деятельности непосредственный продукт (output), тот при соответствующих внешних условиях влечет изменения в положении целевых групп (outcome), а совокупность изменений формирует долгосрочный социальный эффект (impact)⁴. Управление, ориентированное на конкретные результаты, позволяет сосредоточить внимание на желаемых изменениях и, следовательно, на причинно-следственной связи в цепочке результатов и на результатах на выходе как ключевом факторе управления для достижения результатов.

Эта концепция закреплена в документах международных организаций. Согласно Руководству ИНТОСАИ GUID 9020 «Оценка государственных политик» (далее — Руководство ИНТОСАИ), аудит эффективности охватывает экономность, эффективность и действенность вплоть до уровня непосредственных результатов (output), тогда как оценка государственной политики требует исследования краткосрочных прямых эффектов (outcome) и долгосрочного воздействия на общество и экономику (impacts)⁵. Тем самым Руководство ИНТОСАИ разграничивает два типа контрольно-аналитической деятельности по критерию предмета исследования: первый ограничен уровнем произведенного продукта, второй — выходит на уровень фактически наступивших общественных изменений.

Необходимо провести различие между конечными результатами и итоговыми эффектами:

— эффекты, которые проявляются немедленно или в краткосрочной перспективе, напрямую,

и влияют в особенности на целевых получателей, описываются как конечные результаты;

— эффекты, которые являются отложенными или проявляются в средне- или долгосрочной перспективе и в большинстве случаев влияют на других лиц больше, чем на целевых адресатов, описываются как итоговые эффекты.

В Руководстве ИНТОСАИ outcome описывается как эффекты «немедленные или краткосрочные, прямые, затрагивающие в первую очередь адресатов политики», тогда как impact — как «отсроченные, средне- или долгосрочные эффекты, нередко выходящие за пределы целевой группы». Именно в такой парадигме движение от непосредственного продукта к долгосрочному социальному эффекту представляет собой не просто линейный рост показателей, а качественный переход от учета того, что государство произвело, к учету того, что изменилось в жизни людей и в обществе в целом.

Концепция возможности измерения эффектов является центральной в подходе оценки государственных политик. С одной стороны, оценка полезности требует измерения эффектов, которые можно измерять как в количественном, так и в качественном выражении (это подразумевает, что может быть проведено исследование их ценности на основе валидных данных). С другой стороны, такая оценка часто затруднительна с технической точки зрения, поскольку далеко не все социальные эффекты могут быть измерены количественно.

Счетная палата Российской Федерации использует Руководство ИНТОСАИ в своей деятельности⁶. Анализ документов Счетной палаты

ственного управления: международный опыт / пер. с англ. М., 2003 ; Gwata R. (2018). Results Based Management (RBM) as a Tool for Good Governance // World Journal of Social Science Research. 6. 1. 10.22158/wjssr.v6n1p1; ILO results-based evaluation strategy 2023–2025 // URL: <https://www.ilo.org/media/361846/download>.

⁴ Joint Inspection Unit of the United Nations System. Results-based management in the United Nations System. JIU/NOTE/2017/1. Geneva, 2017. P. 4–5.

⁵ INTOSAI. GUID 9020 — Evaluation of Public Policies. INTOSAI, 2019. P. 9–10 // Официальный сайт INTOSAI. URL: <https://www.issai.org> (дата обращения: 01.03.2026).

Русскоязычная версия размещена на сайте Счетной палаты РФ: URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/intosai-standarts/GUID_9020.pdf.

⁶ Методические рекомендации по оценке рисков при проведении аудита эффективности (утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 19.07.2022 № 49К (1574)).

свидетельствует, что на практике мероприятия аудита концентрируются на уровне кассового исполнения и выполнения отдельных мероприятий национальных проектов и государственных программ.

Иерархия результатов в системе документов стратегического планирования

Переход к трехуровневой логике результата применительно к российской системе требует ее соотнесения с нормативной структурой документов стратегического планирования, которая определяется Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁷. Статья 11 названного закона закрепляет иерархию документов стратегического планирования, к числу которых относятся в первую очередь национальные проекты и государственные программы как инструменты планирования и прогнозирования.

Национальные проекты, формально не являясь нормативными правовыми актами, де-факто выполняют функцию верхнего уровня планирования и концентрируют наиболее значимые ориентиры государственного развития. Исходя из этого, результаты реализации подобных актов не могут оцениваться лишь на уровне произведенных продуктов: они должны оцениваться на уровне, соразмерном их функции, формируя ценностные ориентиры стратегий государственного развития.

Соотнесение системы стратегических документов с уровнями цепочки результатов позволяет выстроить следующую схему:

1) мероприятия государственных и муниципальных программ (ст. 179 БК РФ, пп. «б» п. 4 ст. 11 Закона № 172-ФЗ) — результат первого уровня;

2) национальные проекты (пп. «а.1» п. 4 ст. 11 Закона № 172-ФЗ) — результат второго уровня;

3) национальные цели развития, ценностные ориентиры (ст. 75.1 Конституции РФ, Указ № 309) — ценностный эффект.

С принятием Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года»⁸ нормативная конструкция трехуровневого результата приобрела дополнительное измерение. Указ № 309 определяет семь национальных целей развития, каждая из которых задает целевые показатели, выраженные одновременно в двух форматах: количественном (ожидаемая продолжительность жизни, уровень бедности, доля МСП в ВВП и т.д.) и качественном, ценностном (воспитание патриотичной и социально ответственной личности, продвижение и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей и др.). Последние не поддаются количественному измерению и требуют принципиально иного инструментария оценки достижения целей, нежели показатели результатов первого и второго уровней.

Правовая природа ценностного эффекта в государственном управлении

Выделение третьего уровня результата — ценностного — требует выявления его правовой природы. Отправной точкой здесь служит телеологическое толкование ст. 34 БК РФ в системной связи с нормами Конституции РФ. Статья 75.1 Конституции РФ закрепляет, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

⁷ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

Статья 114 Конституции устанавливает полномочия Правительства РФ, среди которых множество задач, решение которых по своей природе относится к результатам ценностного, а не производственного характера: в первую очередь это проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей.

Таким образом, принцип эффективности использования бюджетных средств, закрепленный в ст. 34 БК РФ и интерпретируемый в контексте конституционных норм, не может быть сведен к измерению лишь «непосредственного продукта» бюджетной деятельности. На третьем, ценностном уровне предполагается достижение изменений в состоянии общества, включая изменения в характере взаимного доверия, социальной сплоченности и разделяемых ценностей.

Это разграничение имеет практические последствия. Если государственная программа демонстрирует 100-процентное кассовое исполнение и достигает всех количественных показателей, но не порождает изменений в доверии граждан к соответствующей сфере государственного управления, она является результативной лишь в узком смысле. Признание ценностного эффекта самостоятельным уровнем результата означает, что оценка результативности национальных проектов не может считаться полной без включения в эту оценку инструментов измерения такого эффекта.

Ценностный эффект документов стратегического планирования, по нашему мнению, обладает рядом специфических признаков, отличающих его от результатов первых двух уровней:

1) обусловленность конституционными нормами и принципами: которые, устанавливая вектор взаимного доверия государства и общества, тем самым определяют ценностный результат

как цель государственного управления в целом и бюджетной политики в частности⁹;

2) отложенность во времени: результат второго уровня (outcome), как правило, фиксируется по истечении программного периода или вскоре после его истечения. Ценностный эффект формируется в более длительной перспективе и не совпадает с горизонтом планирования по конкретному нацпроекту; он требует мониторинга, выходящего за пределы одного бюджетного цикла. Именно поэтому в Руководстве ИНТОСАИ особо оговаривается, что оценка долгосрочных эффектов требует значительного временного разрыва между запуском политики и датой ее оценки;

3) опосредованность субъективного восприятия: ценностный эффект не может быть достоверно измерен исключительно объективными показателями (число построенных объектов, прирост ВВП); он предполагает учет субъективных оценок (удовлетворенности, доверия и т.п.) со стороны граждан как адресатов государственной политики. Данное обстоятельство ставит вопрос о методах его измерения как юридически значимого показателя результативности;

4) невозможность однозначного сведения к отдельным целевым показателям конкретного нацпроекта. Ценностный эффект является результатом реализации совокупности проектов и программ, реализуемых в смежных сферах. Это подтверждается положениями Указа № 309: например, национальная цель «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» охватывает показатели, формируемые нацпроектами «Молодежь и дети», «Кадры», «Семья» и др.

Кроме того, в рассматриваемой нами сфере можно наблюдать проявление принципа прямых и обратных связей в управлении публичными финансами, глубоко проанализированного в науке финансового права¹⁰. Рассмотрим его на

⁹ Кабышев С. В. Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 2. С. 13.

¹⁰ Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М. : Профобразование, 2003. 158 с. ; Артемов Н. М., Пономарева К. А. Элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в контексте принципа прямых и обратных связей // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 68–79.

примере производительности труда. С одной стороны, существуют национальные цели развития, которые влияют на производительность труда, с другой стороны, есть национальные цели развития, на которые влияет производительность труда. При этом достижение показателя, связанного с вовлечением предприятий в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда, влияет на достижение показателей по другим национальным целям развития.

Так, согласно Указу № 309 повышение производительности труда определено как фактор, способствующий достижению показателя «снижение уровня бедности ниже 7 процентов к 2030 году и ниже 5 процентов к 2036 году, в том числе уровня бедности многодетных семей до 12 процентов к 2030 году и до 8 процентов к 2036 году» в рамках национальной цели развития «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи».

Продолжая тему производительности труда, отметим, что одним из наиболее значимых факторов ее роста экономическая теория рассматривает человеческий капитал: образование, профессиональная подготовка, накопление знаний и развитие навыков работников оказывают непосредственное влияние на эффективность производства¹¹.

В документах ОЭСР также указывается, что повышение уровня образования и квалификации работников способствует не только увеличению индивидуальной производительности труда, но и ускоряет распространение инноваций, повышает способность предприятий к освоению новых технологий и обеспечивает более эффективное использование капитала¹². Всемирный банк рассматривает инвестиции в человеческий капитал как один из важнейших факторов долгосрочного экономического роста

и сокращения различий в уровне производительности между странами¹³.

Для целей настоящего исследования значение человеческого капитала определяется тем, что значительная часть государственных мероприятий непосредственно направлена на развитие системы образования, профессиональной подготовки, повышения квалификации кадров и формирования современных компетенций. Следовательно, влияние подобных мероприятий на производительность труда реализуется через изменение качества человеческого капитала.

Изложенное подтверждает, что оценка ценностного эффекта требует создания и применения инструментов, выходящих за рамки мониторинга отдельного национального проекта.

Заключение

Предложенная концепция трех уровней результатов: кратковременных, долгосрочных и результатов ценностного эффекта — предполагает, что принцип результативности должен пониматься как требующий не только получения «измеримых продуктов» государственного управления, но и изменений в ценностной и институциональной среде.

Действующая система показателей национальных проектов и государственных программ ориентирована на достижение конкретных краткосрочных и долгосрочных результатов, хотя в основе планирования этих результатов, безусловно, лежит достижение целей на уровне ценностного эффекта. Хотя оценка ценностного эффекта и не закреплена в действующем законодательстве, ее проведение вытекает из конституционно-правовых норм и документов стратегического планирования, следовательно, по нашему мнению, может выступать предметом контроля за исполнением Указа № 309.

¹¹ Schultz T. W. Investment in Human Capital. American Economic Review. 1961. Vol. 51(1). P. 1–17 ; Becker G. S. Human Capital. New York : Columbia University Press, 1964 ; Lucas R. E. On the Mechanics of Economic Development. Journal of Monetary Economics. Vol. 22. Iss. 1. 1988. P. 3–42.

¹² OECD. Measuring Productivity: OECD Manual. Paris : OECD Publishing, 2001.

¹³ World Bank. Productivity Revisited: Shifting Paradigms in Analysis and Policy. Washington, DC, 2018.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемов Н. М., Пономарева К. А.* Элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в контексте принципа прямых и обратных связей // *Правоприменение*. — 2021. — Т. 5. — № 1. — С. 68–79.
2. *Горбунова О. Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России — М. : Профобразование, 2003. — 158 с.
3. *Пономарева К. А.* Неэффективное использование бюджетных средств по законодательству России и Германии // *Юрист*. — 2013. — № 13. — С. 43–46.
4. *Талапина Э. В.* Государственное управление в условиях цифровизации: шанс на повышение качества // *Журнал российского права*. — 2025. — № 9. — С. 103–115.
5. *Becker G. S.* Human Capital. — New York : Columbia University Press, 1964.
6. *Gwata R.* Results Based Management (RBM) as a Tool for Good Governance // *World Journal of Social Science Research*. — 2018. — 6. 1. 10.22158/wjssr.v6n1p1.
7. *Lucas R. E.* On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. — 1988. — Vol. 22. — Iss. 1. — P. 3–42.
8. *Schultz T. W.* Investment in Human Capital // *American Economic Review*. — 1961. — Vol. 51(1). — P. 1–17.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemov N. M., Ponomareva K. A. Elementy progressivnogo nalogooblozheniya dokhodov fizicheskikh lits v kontekste printsipa pryamykh i obratnykh svyazey // *Pravoprimenenie*. — 2021. — T. 5. — № 1. — S. 68–79.
2. Gorbunova O. N. Finansovoe pravo i finansovyy monitoring v sovremennoy Rossii — M.: Profobrazovanie, 2003. — 158 s.
3. Ponomareva K. A. Neeffektivnoe ispolzovanie byudzhethnykh sredstv po zakonodatelstvu Rossii i Germanii // *Yurist*. — 2013. — № 13. — S. 43–46.
4. Talapina E. V. Gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh tsifrovizatsii: shans na povyshenie kachestva // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2025. — № 9. — S. 103–115.
5. Becker G. S. Human Capital. — New York: Columbia University Press, 1964.
6. Gwata R. Results Based Management (RBM) as a Tool for Good Governance // *World Journal of Social Science Research*. — 2018. — 6. 1. 10.22158/wjssr.v6n1p1.
7. Lucas R. E. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. — 1988. — Vol. 22. — Iss. 1. — P. 3–42.
8. Schultz T. W. Investment in Human Capital // *American Economic Review*. — 1961. — Vol. 51(1). — P. 1–17.